

Лан Юй с силой оттолкнул Цзи Цина ногой и брезгливо отряхнул штанину в том месте, где тот его схватил.

— Цзи Цин, запомни, кто ты такой. Это у тебя поехала крыша, это ты страдаешь манией величия! И еще смеешь мечтать о близости с господином Чу? Да ты хоть на себя в зеркало посмотри!

Лан Юй с отвращением сплюнул и, развернувшись, вышел из подвала.

— Заставил его выпить? — спросил Чу Мочэнь, стоя в холле.

— Да, господин Чу.

Чу Мочэнь потер переносицу.

— Хорошо. Он не сопротивлялся?

— Даже если бы попытался, это ничего бы не изменило. Господин Чу, вы разве еще не знаете, на что способен я, Лан Юй? Любое ваше поручение я выполняю безукоризненно.

Именно за это Чу Мочэнь и ценил Лан Юя. Тот достался ему от матери, Шан Инхуань, и всегда работал предельно четко.

В ту ночь Чу Мочэнь не сомкнул глаз, а на следующее утро, едва рассвело, лично отправился в подвал.

В помещении гулко отдавалось эхо. Едва открыв дверь, он увидел Цзи Цина, свернувшегося на полу калачиком. Лицо того было бледным, как полотно. Чу Мочэнь слегка нахмурился и подошел ближе. Заметив, что Цзи Цин судорожно сжимает живот, он понял, что это последствия имплантированного устройства для допроса, и, достав лекарство, которое дал ему Фэн Кэ, заставил Цзи Цина проглотить таблетку.

Сегодня утром, как только Цзи Цин очнулся от холода, его вновь накрыла волна привычной боли, ставшая еще сильнее, чем вчера.

Вчера он еще думал, что это просто проблемы с желудком, но, узнав, что за этим стоит Фэн Кэ, испытал леденящий душу страх. Даже в тюрьме, когда над ним издевались, и даже когда каждый день поили медленно действующим ядом, подмешанным в апельсиновый сок, он не чувствовал такого ужаса.

Фэн Кэ не мог поступить так без прямого приказа Чу Мочэня. Цзи Цин не понимал: он ведь уже согласился отдать свое сердце Цзи Ю, так зачем же использовать эту штуку, чтобы

контролировать и истязать его?

Увидев, что боль немного отступила, Чу Мочэнь решил начать разговор.

— Теперь полегче?

Цзи Цин дрожащими губами не произнес ни слова. Его тело продолжало сотрясаться, и сил на ответ не осталось.

— Не бойся, я имплантировал это устройство не ради того, чтобы мучить тебя. Просто ты ведешь себя слишком неразумно. Сяо Ю тяжело болен, и только из-за того, что ты постоянно пытаешься нам насолить, мне пришлось пойти на такие меры.

Цзи Цину было нечего ответить.

Цзи Ю — тяжелобольной, а он — приговоренный к смерти. Есть ли между ними хоть какая-то разница? Почему один вознесен до небес, а другой втоптан в грязь?

— Не переживай, отныне я буду давать тебе лекарство по часам, и боли не будет. Если будешь послушным, я гарантирую, что твоя смерть пройдет без мучений. Но при одном условии: ты больше не причинишь вреда Сяо Ю и будешь покорно ждать операции по пересадке.

Твое сердце в любом случае достанется Сяо Ю. Можно прожить в относительном покое до этого дня, а можно превратить ожидание в ад. Думаю, умный человек выберет первое.

Видя, что Цзи Цина все еще сильно трясет, Чу Мочэнь поднял его на руки и вышел из подвала.

— Здесь холодновато, я отнесу тебя в спальню. Я, Чу Мочэнь, не лишен сердца, просто не разбрасываюсь сочувствием попусту. Если будешь послушным, я, разумеется, позволю тебе спокойно дожидаться пересадки.

Цзи Цин прекрасно это понимал: Чу Мочэнь жалел только тех, кто был ему дорог, а до остальных ему не было никакого дела.

Когда его уложили на кровать, прошло некоторое время, прежде чем Цзи Цин смог прийти в себя.

Чу Мочэнь стоял спиной к нему у кровати и курил. Этот силуэт казался таким до боли знакомым.

Цзи Цина охватило чувство горечи. Все, что он делал, было лишь ради того, чтобы быть рядом

с Чу Мочэнем. А теперь, когда его жизнь подходит к концу, у него не осталось ровным счетом ничего.

Почему только он должен остаться ни с чем? Кроме холодных насмешек и постоянных наказаний, он не видел от него ничего другого.

<http://bllate.org/book/20219/2012683>